

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: АРХЕОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ

О. А. Матвейчев

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 21 июня 2024 г.

Аннотация: изучается история понятия «Серебряный век» – контекст его возникновения в первой четверти XX в., специфика его употребления представителями как поэтической, так и научной среды, изменение его смысла в зависимости от культурно-исторической ситуации, хронологический и концептуальный объем. Изучаемое понятие рассматривается в двух ипостасях – как метафора, рожденная в недрах своей эпохи, и как научный термин, инструмент дескрипции специфического состояния русской культуры конца XIX – начала XX в. Несмотря на многозначность и неопределенность термина, к сегодняшнему дню уже сформировалась вполне определенная традиция его использования применительно к целому комплексу явлений и процессов великой эпохи, схватываемой как культурно-историческая целостность и настаивает на необходимости изучать Серебряный век как феномен интегральный, интерконтекстуальный, в его «разноликости и единстве».

Ключевые слова: философия культуры, история философии, история идей, Серебряный век.

Abstract: the article treats a history of the concept «Silver Age,» its origination in the first quarter of the 20th century, the specificity of its use by its representatives both of poetic and scientific environment, the change of its meaning depending on the cultural and historical situation, chronological and conceptual scope. The studied concept is considered in two dimensions: as a metaphor, born in the depths of its epoch, and as a scientific term, a descriptive tool of a specific state of Russian culture of the late XIX – early XX century. The author insists that despite the polysemy and uncertainty of the concept, by today has already formed a quite rich tradition of its use in relation to the whole complex of phenomena and processes of the great epoch grasped as a cultural and historical value. The author also points to the need to study the Silver Age as an integral phenomenon appearing in its variability and wholeness.

Key words: philosophy of culture, history of philosophy, history of ideas, Silver Age of Russian culture.

Понятие «Серебряный век» относится к числу тех, что кажутся существовавшими всегда и именно в том виде, что достались нам. Правомочность его употребления не вызывает вопросов, однако в концептуальном отношении оно отнюдь не однозначно. Какие ассоциации возникают у массового потребителя культуры словосочетание «Серебряный век»? Ночь, улица, фонарь, изысканный жираф, русские сезоны, дом Рябушинского и хруст французской булки. Всё так, но необходимо помнить, что современники и свидетели этого самого века зачастую вкладывали в данное устойчивое ныне выражение совсем иной смысл. И в самой этой металлургической метафоре легко улавливаются не только коннотации чистоты и благородства, но и намеки на деградацию культуры (серебро, как не крути, – металл куда менее ценный, чем золото, что схватывается в восходящей еще к Гесиоду градации эпох). Неудивительно, что время расцвета модернизма характеризуется в западной литературе как *fin de siècle*, период усталости и

упадка – при всём заслуженном пиетете к его представителям.

Степень «точности» понятия «Серебряный век» можно оценить по разногласиям в определении его хронологических рамок. Начало этого периода связывают с появлением движения символистов в поэзии. Однако даже здесь консенсус не достигнут. Одни исследователи принимают за точку отсчета знаменитую лекцию Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892). Другие считают за таковую издание 1895 г. сборника «Русские символисты» под редакцией В. Брюсова, где, в частности, было опубликовано его знаменитое «О, закрой свои бледные ноги». М. Ф. Пьяных считает исходной датой 8 июня 1880 г., когда Ф. М. Достоевский произнес свою знаменитую речь об А. С. Пушкине на заседании Общества любителей российской словесности [1, с. 511].

Относительно нижней границы эпохи согласия еще меньше. Кто-то объявляет таковой 1915 г., оказавшийся «последней ярчайшей вспышкой поэтического Ренессанса; ... в течение этого одного года появилось

неправдоподобное множество шедевров – их могло бы хватить на то, чтобы прославить целое столетие любой национальной культуры» [2, с. 186]; кто-то – Октябрьскую революцию 1917 г.; кто-то – 1921 г. (год смерти А. А. Блока и расстрела Н. С. Гумилева); кто-то – выход 23 апреля 1932 г. постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», окончательно ликвидировавшего плюрализм и «групповщину» в советской литературе. Как мы видим, сама длительность «Серебряного века» варьируется в разных исследованиях в диапазоне от полутора до четырех десятилетий.

Дискуссионным является и вопрос, что в указанном временном диапазоне корректно отнести к «Серебряному веку», а что не корректно? Можно ли назвать его представителями А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, К. С. Станиславского? Очевидно, что нет. Это явления совершенно иного порядка. Но ведь и внутри самого что ни на есть чистейшего «Серебряного века» существовало немыслимое количество противоречий. Много ли общего может найтись между символизмом Вяч. Иванова, акмеизмом Н. Гумилева и футуризмом В. Маяковского? И это мы еще молчим о подчас патологической враждебности, которую испытывали друг к другу многие мастера культуры тех лет. Можно ли назвать «Серебряный век» чем-то целым?

В широкий обиход в нашей стране понятие «Серебряный век» вошло относительно недавно – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В статье «Единство “серебряного века”» (Звезда. 1989. № 12) Е. Г. Эткинд пользуется им уже как общепонятным и не требующим дополнительного толкования [2]. В 1991 г. выходит антология «Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX – начала XX в.» под редакцией М. Ф. Пьяных, составленная по сомнительному хронологическому принципу (помимо прочих в числе авторов фигурировали А. Н. Апухтин, Тэффи и Д. Бедный). Заглавное понятие здесь также преподносится как общепринятое: «“Серебряным веком” – в сравнении с “золотым”, пушкинским, – *принято* называть в истории русской поэзии, литературы и искусства конец XIX – начало XX столетия» [1, с. 511]. Во вступительной статье к антологии «Русская поэзия “серебряного века”. 1890–1917» (1993) М. Л. Гаспаров дает более точное определение: «Поэтика “серебряного века”, о которой идет речь, – это прежде всего поэтика русского модернизма. Так *принято* называть три поэтических направления, объявивших о своем существовании между 1890 и 1917 гг.: символизм, акмеизм, футуризм» [3, с. 7]. В литературоведении это классификационное определение станет классическим, за его же пределами понятие, как правило, так и будет использоваться в хронологическом смысле, распространившись, по-

мимо поэзии, на прозу, философию, театральное искусство, живопись, архитектуру и т. д.

Относительно происхождения термина существовало несколько версий. Одной из них приписывали авторство А. А. Ахматовой, в чьей «Поэме без героя» были следующие строки:

*На Галерной темнела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл* [4, с. 212].

Данный фрагмент был впервые опубликован в «Ленинградском альманахе» за 1945 г., сами строки были созданы в самом начале 1940-х. Казалось бы, чем не источник? Но не следует забывать, что в данном случае мы имеем дело не с научным дискурсом, а с поэтическим творчеством, и Ахматова могла использовать популярный эпитет для описания каких-то личных переживаний, а не в качестве хрононима.

Более распространенную версию озвучил поэт и художественный критик С. К. Маковский. В своих мемуарах «На Парнасе Серебряного века» (1962) он приписал авторство термина Н. А. Бердяеву: «Томление духа, стремление к “запредельному”, пронизало наш век, “Серебряный век” (так называл его Бердяев, противопоставляя пушкинскому – “Золотому”), отчасти под влиянием Запада» [5, с. 10]. Эта версия долгое время транслировалась в литературе как бесспорная, хотя философ-эмигрант никогда не употреблял термин «Серебряный век» в своих текстах, а парное выражение «золотой век» у него используется, как это было принято еще с середины XIX в., по отношению к пушкинской эпохе. Период же рубежа XIX–XX вв., с его мощным творческим подъемом, Бердяев называл русским культурным (но не религиозным!) ренессансом.

Очевидно, что обе версии были малодостоверны. Одним из первых исследователей, попытавшихся установить истинное происхождение термина и причины его повсеместного распространения, был Г. П. Струве, относившийся, впрочем, к данному наименованию с нескрываемым раздражением (вместо него критик употреблял формулу Д. П. Святополк-Мирского: «*второй золотой век стиха*»). Свои поиски Струве не закончил, однако успел заразить интересом к этой проблеме американско-израильского филолога-слависта Омри Ронена. Результатом исследования Ронена стала вышедшая в 1997 г. в Амстердаме на английском языке, а в 2000 г. – в Москве на русском монография «Серебряный век как умысел и вымысел»¹, выстроенная по принципу литературоведческого детектива.

¹ Английское название книги звучит более прямолинейно: «The Fallacy of the Silver Age in Twentieth Century Russian Literature» («Фальшь серебряного века в XX столетии русской литературы»).

Автором метафоры «золотой век» применительно к русской литературе Ронен называет П. А. Плетнёва – поэта, профессора словесности, издателя журнала «Современник», человека, которому посвящен «Евгений Онегин» («Прими собрание пестрых глав»). В «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах», опубликованном в «Северных цветах за 1825 год» Плетнёв воспекает целую плеяду отечественных стихотворцев своего удивительного времени, когда «русские стихи читает меньшее число людей, нежели пишет их» [6, с. 80]. В свою славную «галерею» автор включает В. А. Жуковского («это первый поэт *золотого века* нашей словесности (если непременно надобно, чтобы каждая словесность имела свой золотой век)» [6, с. 34]), К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, Н. И. Гнедича, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, Н. М. Языкова.

Впрочем, аксиологический характер термина «золотой век» в отдельных случаях относился не только к качеству самой поэзии. В 1863 г. демократический критик М. А. Антонович ностальгически описал предшествующую эпоху в русской литературе как наиболее устремленную к общественным интересам: «везде слышался призыв к самоотверженной деятельности на пользу общего дела и для блага любезного отечества. ... Поистине, то был золотой век нашей литературы, период ее невинности и блаженства!» [7, с. 57]. «Золотой век» сменился, согласно Антоновичу, даже не серебряным, но чем-то совсем непотребным: «в нашей литературе наступил век железный и даже глиняный; пора ее невинности и безукоризненной нравственной чистоты миновалась; единство в целях и единодушие в стремлениях исчезло» [там же]².

Эпоху Пушкина в русской лирике сменил «век тонкого упадка» [8, с. 39], который представляли Н. А. Некрасов, А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. К. Толстой. Именно к нему в конце XIX – начале XX в. обыкновенно применялась формула «серебряный век». Так называл его, в частности, В. С. Соловьев в литературоведческой статье «Импрессионизм мысли» (1897) [9, с. 547].

Более широкое толкование дал этому термину В. В. Розанов, определивший в статье к двадцатилетию смерти И. С. Тургенева (1903) рамки «серебряного века» как 1840–1870-е гг. и отнесший к его представителям, помимо, собственно, Тургенева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Значение этого этапа для отечественной словесности Розанов считает фундаментально недооцененным: «Мы почему-то ограничили себя воздаянием “каменной памяти” одному золотому

веку нашей литературы, от Карамзина до Гоголя включительно. Форма этих писателей, язык их, яркость действительно несравненны с последующими. Но не забудем, что все содержание собственно развития русского, каково оно есть сейчас, идет уже от “серебряного периода” русской литературы, уступавшего предыдущему в чеканке формы, но неизмеримо его превзошедшему содержательностью, богатством мысли, разнообразием чувства и настроений» [10, с. 264].

Примечательно, что выражение «золотой век» Розанов использует без кавычек, а «серебряный период» (равно как и «серебряный век» – в другом месте статьи [10, с. 259]) – в кавычках, как нововведенное.

Влиятельный литературовед Д. П. Святополк-Мирский в предисловии к антологии «Русская лирика» (Париж, 1924) пользуется термином «Серебряный век» в отношении поэзии второй половины XIX столетия уже как общепонятным [11, с. VII, XI]. Этот период, по его мнению, характеризуется упадком поэтического искусства – на фоне подъема реалистической прозы: «После смерти Лермонтова возникло всеобщее убеждение, что эпоха поэзии миновала. В пятидесятые годы началось некоторое оживление интереса к поэтам и к поэзии. Но в шестидесятые годы школа Писарева начала систематическую борьбу против стихов вообще, и улюлюканьем некоторых самых выдающихся поэтов заставили замолчать. Поэзия современников великих романистов была менее значительной и чем поэзия предшествовавшего им Золотого века, и чем художественная проза, создававшаяся в их время. За немногими исключениями поэзии этого серебряного века не хватает жизненной энергии, а техника уже без исключений слаба и недостаточно сознательна» [12, с. 384–385].

Итак, мы видим, что понятие «серебряный век» далеко не сразу начало использоваться в знакомом нам смысле, т. е. применительно к эпохе русского модернизма. Впервые в таком значении эта метафора появляется в эксцентричной статье-манифесте футуриста Глеба Марева «Всёдурь», опубликованной в брошюре объединения «Чемпионат поэтов» «Всёдурь. Рукавица современью» в декабре 1913 г. Манифест начинался с формулы: «Пушкин – золото; символизм – серебро; современье – тускломедная Всёдурь, пугливая выявление Духа Жизни (perpetuum mobile) века Железа» [13, с. 23].

Вполне возможно, несколько иронический характер метафоры был позднее воспринят идеологом «скифства» Р. И. Ивановым-Разумником, писавшим в статье «Советская литература» (1943): «считаю, ... что “золотой век” русской прозы начала XX столетия – прошел, что десятилетие, в котором могли появиться такие «эпохальные» романы, как “Мелкий

² В монографии О. Ронена М. А. Антонович не упоминается. Вероятно, в силу сугубой скандальности критика, нападавшего в своих статьях едва ли не на всех своих великих современников – от Тургенева и Некрасова до Достоевского.

бес” Федора Сологуба и “Петербург” Андрея Белого, не повторится, что после золотого века пришел, как и следовало ожидать, серебряный (хорошо еще, если не медный), что и в области художественной прозы:

*... смешались шапки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки*³ [14, с. 86].

Противопоставление «золотого века» русской литературы начала XX в., эпохи расцвета символизма, и «серебряного века» последовавшей литературной эпохи (писатели 1920-х гг.) Иванов-Разумник впервые обосновал в статье «Взгляд и нечто», опубликованной под грибоедовским псевдонимом Ипполит Удушьев в сборнике «Современная литература» (Ленинград, 1925). В ней он провозгласил окончание «золотого века» русской литературы: «немногими старшими богатырями еще держится он; мы вступаем – и уже вступили – в истоки века серебряного. (Марксистский критик сказал бы: в эпоху разложения буржуазной литературы)» [15, с. 161].

Переход «золотого века» в «серебряный», по мнению Иванова-Разумника, происходит постепенно, на стыке эпох еще являются подлинные поэты – Ахматова, Маяковский, Есенин. Однако «спад волны, начало серебряного века» уже заметны. Его признаки – примат формы над содержанием, технического мастерства – над духом. Серебряный век – век ремесленников и эпигонов, к ним Иванов-Разумник относит и Гумилёва, и Замятина, и Тихонову, и Асеева, и Пастернака, и Пильняка, и Эренбурга, и всех «Серапионовых братьев», сколько их ни было.

«Но что же ждет нас дальше?» – предвосхищает критик резонный вопрос читателя. – «Кончилась русская литература? Беспросветная ночь впереди, царство серебряное, потом медное, потом железное? Вздор, конечно. Это было бы истиной только в одном случае: если бы русский народ уже изжил сам себя. А он, быть может, только еще начинает жить» [там же, с. 180].

Если Р. И. Иванов-Разумник использует определение «серебряный век» едва ли не как ругательное, то в вышедших четырьмя годами, в 1929 г., позже мемуарах литературоведа В. А. Пяста (Пестовского) в это выражение вкладывается смысл вполне комплиментарный. Подобно В. В. Розанову и Д. П. Святополк-Мирскому, Пяст определяет «серебряный век» русской литературы как пришедший в середине XIX в. на смену «золотому», внося в антиномию поколенческий смысл: поэты «золотой» поры – это современники Пушкина, родившиеся в «нулевые» годы XIX в.: Боратынский, Языков, Тютчев, тогда как «“серебряный век” характеризуется поэтами с датами рождения от 1817 до 1824» [16, с. 22] – это А. К. Тол-

стой, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, А. А. Фет, А. А. Григорьев, Н. А. Некрасов, а из прозаиков – И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Следующий «куст» поэтов богато уродился в 1860-х – своего рода «второй золотой век», сказали бы мы; их поколение сменили служители муз, густо родившиеся в 1880-е. Пяст оговаривается: «Мы далеки от претензии сравнивать наших сверстников, “восьмидесятников” по рождению, с представителями какого-нибудь “Серебряного века” русского, скажем, “модернизма”» [16, с. 22]), – вместе с тем отдавая должное исключительной «урожайности» этой эпохи на служителей муз.

И Пяст, и Иванов-Разумник, как мы видим, различали в русском модернизме два века: «золотой» и «серебряный» – при прямой противоположности коннотаций. Очевидно, что оба литературоведа, знакомые через общего друга – Александра Блока, знали об оценке «серебряного века» друг у друга и, возможно, даже дискутировали на эту тему.

Идеи Пяста развил в своей статье «Серебряный век» поэт Н. А. Оцуп. Опубликованная в издававшемся им в Париже журнале «Числа» (1933. № 7–8), эта статья и ввела заглавную метафору в широкий оборот среди русской эмиграции. Концепция Оцуа была, однако, довольно путанной и внутренне противоречивой. Эпитетами «золотой» и «серебряный» поэт описывал не какие-то определенные периоды в истории культуры, но, скорее, типы творчества: поэзия «золотого» века создается буйной стихией своего времени, в век же «серебряный» поэты лишаются своего иррационального союзника. «Героизм серебряного века в этом и состоит. И что-то в созданиях его художников, несмотря на неизбежную бледность, даже лучше искусства золотого. Там слишком уж все полногласно, слишком переливается через край. Здесь – мера человеческих сил. Все суше, беднее, чище, но и более дорогой ценой купленное, ближе к автору, более в человеческий рост. ... Художник серебряного века – ... труженик искусства, не баловень его» [17, с. 175–176]. Таким образом, согласно концепции Оцуа, в «золотом веке» вполне могли творить «серебряные» (по типу дарования) поэты, равно как и наоборот.

В 1958 г. Оцуп изрядно доработал свою статью, заодно зафиксировав в ней свою претензию на авторство термина – первая же фраза в ней звучала так: «пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы» [18, с. 127]. Под новым названием «“Серебряный век” русской поэзии» статья вошла в посмертный сборник поэта (Париж, 1961). О том, чтобы защитить свой «приоритет» в данной области, Оцуп хлопотал за считанные дни до смерти (см. его письма поэту и

³ Из «Современной песни» Д. В. Давыдова (1836).

критику Ю. П. Иваску от 19 ноября и 9 декабря 1958 г.), запамätовав, что сам в свое время «творчески позаимствовал» этот удачный эпитет у старших товарищей.

В одно время с Оцупом о судьбах русской культуры размышлял другой эмигрантский литератор – В. В. Вейдле. В 1937 г. в парижском журнале «Современные записки» вышла его статья «Три России», где «самым поразительным в новейшей истории России» объявлялось то, «что оказался возможным тот серебряный век русской культуры, который предшествовал ее революционному крушению» [19, с. 66]. «Сияние его – как и подобает серебряным векам – было в известной мере отраженным, – писал автор. – Он не столько творил, сколько воскрешал и открывал. ... Эти годы видели долгожданное пробуждение творческих сил православной церкви, небывалый расцвет русского исторического сознания, дотоле неизвестное общее, почти лихорадочное оживление в области философии, науки, литературы, музыки, живописи, театра. ... Это могло быть преддверием расцвета и стало предвестием конца» [19, с. 66–67].

Разделяя бердяевскую горечь по поводу краткости русского ренессанса при всей его мощи и яркости, Вейдле пользуется терминологией, почерпнутой у Оцупа, и способствует ее популяризации. По всей видимости, именно через его многочисленные произведения произойдет рецепция понятия «серебряный век» в среде русской эмиграции, а затем и советской интеллигенции, включая А. А. Ахматову. Настоящую же популярность в литературоведении и в художественной критике данное выражение приобретет, по утверждению Ронена, «с конца 50-х и начала 60-х гг. сперва за пределами СССР, в эмиграции и среди зарубежных русистов, а потом и в метрополии» [8, с. 29].

Впоследствии, впрочем, сам Вейдле позднее выразит готовность от хрононима «серебряный век» как несостоятельного и весьма приблизительного. На том же основании отвергали термин Р. О. Якобсон, Г. П. Струве и, позднее, наследовавший им О. Ронен, называвший его бессодержательным расхожим штампом. В финале своей книги об «истории ошибочного термина» Ронен выражает надежду, что знание этой истории «убедит читателей и филологов изгнать из чертогов российской словесности бледный, обманчивый и назойливый призрак обозначаемого им, но не существовавшего в двадцатом столетии историко-литературного явления» [8, с. 124].

При всей своей энциклопедичности, исследование Ронена оказалось неполным (но и возможно ли объять необъятное?) В частности, от внимания американского слависта ускользнул факт использования клише «серебряный век» А. В. Амфитеатровым в лекции, прочитанной во Флоренции, о котором сообщает

эмигрантская газета «Возрождение» от 17 мая 1928 г.: «Лектор закончил свой обзор краткой оценкой Вл. Соловьева и упоминанием поколения “серебряного века”, начиная с Бальмонта и кончая Ходасевичем и Ахматовой» [20, с. 22–23].

О нескольких ранних случаях употребления выражения «серебряный век» в эмигрантской прессе напоминает профессор Висконсинского университета А. Долинин. Так, в 1952 г. в рецензии на роман В. Набокова «Дар», опубликованной в еженедельнике «Посев» (№ 28 (319). 13 июля. С. 10) ее автор Г. Андреев (псевдоним Г. А. Хомякова) уверенно оперировал этим термином, утверждая, что набоковские поиски нового литературного языка наследуют тем, что были начаты «литературным серебряным веком – последние годы прошлого столетия и начало настоящего – с его символизмом и многими другими школами» [21, с. 135].

Желая заполнить лакуны в исследовании Ронена, Долинин обращает внимание читателей на три важных, но не учтенных его коллегой послевоенных источника, прямо поспособствовавших внедрению термина «серебряный век» в обиход эмигрантской интеллигенции: книгу И. И. Тхоржевского «Русская литература» (Париж, 1946), в которой четко очерчивались границы периоды от Бальмонта до Есенина и Ахматовой; рецензию Б. Ширяева на сборник прозы М. Цветаевой (Возрождение. 1954. № 32), расширившего значение термина далеко за пределы поэзии, и статью уже упоминавшегося нами выше Ю. Иваска «Серебряный век» (Посев. 1949. № 11–12), находившего главную особенность изучаемой эпохи «в установлении той иерархии культурных ценностей, которой не было во второй половине XIX в., когда преобладала иерархия преимущественно гражданских, социальных ценностей» [цит. по: 21, с. 141]. Именно последний источник, по мнению Долинина, сыграл решающую роль в утверждении словосочетания «серебряный век» как названия определенного историко-культурного периода. Адресатом статьи были, по признанию ее автора, в первую очередь, эмигранты второй волны, в силу советского прошлого плохо знакомые с наследием модернистов начала века. Долинин утверждает, что усилиями Тхоржевского, Иваска и Вейдле выражение «серебряный век» получило статус историко-литературного и историко-культурного термина и прочно вошло в обиход эмигрантской критики и западной славистики не к концу, а уже к началу 1950-х гг.

Почему же понятие «серебряный век» получило хождение не в 1920–1930-е гг., когда оно впервые было сформулировано, а на несколько десятилетий позже? Дело в том, что редкая эпоха порождает собственное название: сова Минервы, как говорится, вылетает в сумерки, и осознание эпохи в ее уникаль-

ном своеобразии, отграниченности и целостности наступает, как правило, после ее окончания, с дальней дистанции, извне конкретно-исторической ситуации. Яркий пример – термин «Ренессанс», вошедший в обиход лишь в середине XIX в. (И это мы еще молчим об «эпохе эллинизма», детище прусского профессора Дройзена.)

Во второй половине 1980-х гг. с падением «железного занавеса» понятие «серебряный век» проникло в советское литературоведение. Для описания внезапно открывшегося отечественному читателю культурного богатства начала века оно подходило как нельзя лучше в силу своей однозначно позитивной оценочности. По словам литературоведа М. Г. Соколянского, «на новом историческом витке сработала в какой-то мере закономерная реакция на прежние запреты и ограничения, на смену которым пришло безудержное восхваление и приобщение к выстраиваемому ряду все новых и новых имен» [22, с. 83].

Несмотря на свою концептуальную неопределенность, термин «серебряный век» хорошо прижился на древе гуманитарных наук – подобно понятию «Ренессанс», корректность которого была многократно оспорена со времен его введения Ж. Мишле и Я. Буркхардтом. Он общепонятен и используется почти автоматически, а потому, кажется, уже не требует дополнительной рефлексии по поводу границ своего использования. За сто лет использования он утратил и свою изначальную смысловую связанность с гесиодовско-овидиевской символической градацией металлов и перестал восприниматься как противоположность идеальному «золотому веку». По верному замечанию А. А. Долинина, «в современном словоупотреблении “серебряный век” с точки зрения семантики – это такая же мелиоративная метафора со стертым значением, как обычные в русской поэзии после Фета “серебряные звуки”, “серебряные звоны”, “серебряные голоса” или “серебряные дни”» [21, с. 148–149].

Между тем требования отказаться от «затасканного» выражения звучат и поныне. Российский филолог В. И. Мильдон объявляет Серебряный век «никогда не существовавшим» и взамен этого «фиктивного понятия» предлагает использовать термин «русский Ренессанс», который он трактует значительно шире, чем Бердяев или Шпет, распространяя его и на эпоху Пушкина – поэта, который «открыл новую для отечественного сознания антропологическую идею – самоценности индивидуального бытия» [23, с. 16; см. также 24, с. 42]. Начавшись в пушкинские времена, «русский Ренессанс», или, другими словами, Золотой век, длился около столетия (с перерывом на 1860–1880-е гг., одержимые идеей социального служения) и был насильственно прерван в 1920-е большевиками, в результате чего, по словам В. И. Миль-

дона, «произошло понижение человеческого типа» [Мильдон 23, с. 18].

Противникам понятия «Серебряный век» стоит напомнить, что он давно живет собственной жизнью, превратившись из метафоры, родившейся в недрах своей эпохи и поначалу всецело ей принадлежавшей, в научный термин, элемент метаязыка, инструмент дескрипции специфического состояния русской культуры конца XIX – начала XX в. Безусловно, изучение происхождения столь многозначного и широко распространенного выражения имеет немалый эвристический потенциал, но к сегодняшнему дню уже сформировалась вполне определенная традиция его использования применительно не только к модернистской литературе, как это было изначально, но к целому комплексу явлений и процессов великой эпохи, схватываемого в понятии «серебряный век» как культурно-историческая целостность. Необходимость изучать Серебряный век как феномен интегральный, интерконтекстуальный, в его «разноречии и единстве» подчеркивалась в работах профессора М. А. Маслина [25].

История понятия «Серебряный век» сложна и неоднозначна, однако из этого отнюдь не следует, что его следует отбросить как скомпрометировавшее само себя и заменить его другим. Профессор СПбГУ М. А. Воскресенская уверена, что вместо поисков «лучшего» термина продуктивнее «осмыслить содержание уже имеющегося, спонтанно вошедшего в научный оборот и обыденное сознание. Может быть, вслед за подлинным осмыслением той реальности, которая за этим термином скрывается, за прояснением ее сути и появится более адекватный термин. Или окончательно будет утверждена правомерность уже существующего» [26, с. 121].

Изучение Серебряного века продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пьяных М. Ф. «Серебряный век» русской поэзии // Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX – начала XX в. Л. : Лениздат, 1991. С. 511–523.
2. Эткинд Е. Г. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 185–194.
3. Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века» : антология. М. : Наука, 1993. С. 5–44.
4. Ахматова А. А. Тысяча девятьсот тринадцатый // Ленинградский альманах. Л. : Ленинград. газетно-журнальное и книж. изд-во, 1945. С. 211–212.
5. Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М. : Наш дом – L'Age d'Homme ; Екатеринбург : У-Фактория, 2000. 400 с.
6. Плетнёв [П. А.] Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах // Северные цветы на 1825 год. Новое издание. Приложено к Русскому архиву. М. : Университ. тип. (М. Катков), 1881. С. 3–80.

7. Антонович М. А. Литературный кризис // Шести-десятичники. М. : Сов. Россия, 1984. С. 53–82.
8. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М. : ОГИ, 2000. 152 с.
9. Соловьев В. С. Импрессионизм мысли // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 542–547.
10. Розанов В. В. Ив. С. Тургенев. (К 20-летию его смерти) // Розанов В. В. Полн. собр. соч. : в 35 т. СПб. : Росток, 2016. С. 259–264. Серия «Литература и искусство» : в 7 т. Т. 3. О писательстве и писателях : статьи 1901–1907 гг.
11. Святополк-Мирский Д. П. Предисловие // Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1924. Репринт: N.Y. : Russica Publishers, 1979. С. V–XIII.
12. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. Новосибирск : Свинын и сыновья, 2005. 964 с.
13. Марев Г. Всёдурь // Рукавица современью : футуристы «Чемпионата поэтов». Б. м. : Salamandra P. V. V., 2023. С. 23–24.
14. Иванов-Разумник Р. В. Советская литература // Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М. : Нов. лит. обозрение, 2000. С. 82–90.
15. Инполит Удушьев [Иванов-Разумник Р. В.] Взгляд и Нечто : отрывок : (к столетию «Горя от ума») // Современная литература : сб. статей. Л. : Мысль, 1925. С. 154–182.
16. Пяст В. А. Встречи. М. : Нов. лит. обозрение, 1997. 416 с.
17. Оцун Н. А. Серебряный век // Числа : кн. 7–8. Париж, 1933. С. 174–178.
18. Оцун Н. А. Современники. Париж : [б. и.], 1961. 230 с.
19. Вейдле В. В. Три России // Вейдле В. В. Наследие России. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. С. 48–73.
20. Тименчик Р. Подземные классики : Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М. : Мосты Культуры / Гешарим, 2017. 776 с.
21. Долинин А. А. «Гибель Запада» и другие мемы : из истории расхожих идей и словесных формул. М. : Нов. изд-во, 2020. 158 с.
22. Sokolianskii M. О смысловой амбивалентности понятия «Серебряный век» // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 49 (Summer). P. 76–85.
23. Мильдон В. И. Серебряный век или русский Ренессанс? // Вестник культурологии. 2013. № 1. С. 5–31.
24. Мильдон В. И. Русский Ренессанс, или Фальшь «серебряного века» // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 40–51.
25. Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии. СПб. : РХГА, 2017. 526 с.
26. Воскресенская М. А. Серебряный век : вымысел, умысел или реальность (замечания к неоконченному спору о терминах) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2007. № 295. С. 119–122.

Финансовый университет при Правительстве РФ
Матвейчев О. А., кандидат философских наук,
профессор
E-mail: matveyol@yandex.ru

Financial University under the Government of the
Russian Federation
Matveychev O. A., Ph.D., Professor
E-mail: matveyol@yandex.ru